

Ф. Е. Зарин-Несвицкий

За чужую свободу

Исторический роман

Зарин-Несвицкий Ф. Е. За чужую свободу: Исторический роман. -- М.: ТЕРРА, 1995. (Тайны истории в романах, повестях и документах).

[OCR Бычков М. Н.](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

На Невском кипела жизнь. С дикими возгласами: "Поди! Поди!" -- неслись по улице среди безлиственных деревьев, посаженных вдоль тротуаров, нарядные сани и кареты цугом. Многочисленные толпы гуляющих медленно двигались от самого адмиралтейства до Гостиного двора и обратно.

Был один из тех ясных полу весенних дней, которыми иногда так прекрасна северная столица в конце февраля и начале марта. Снег еще не сошел, но в воздухе уже веет теплое дыхание весны. Толпа имела праздничный вид. В длинных пальто с собольими и лисьими воротниками и огромными муфтами в руках шли дамы, сопровождаемые ливрейными лакеями; с лорнетами, в высоких цилиндрах, в узких пальто, с разрезом сзади, перехваченных в талии, гуляли модные франты; изредка мелькали из-под небрежно накиннутых шинелей цветные мундиры офицеров.

Особенно много народа толпилось у Гостиного двора. Модные магазины, носившие прежде названия: "M-me Justine de Paris", "Modes de Paris" и проч., теперь красовались под вывесками "московских" и "русских" магазинов. Эти магазины походили на осажденные крепости, до такой степени рвались в их двери целой толпой дамы, при помощи ливрейных лакеев, прокладывавших им путь. Стоял невообразимый гомон.

Среди нарядных экипажей странное впечатление производила простая пароконная почтовая бричка с сидевшим в ней офицером. Офицер сидел, плотно закутавшись в меховой плащ, надвинув на глаза треуголку. На него обращали внимание.

-- Не из армии ли? Курьер? -- слышались случайно брошенные фразы, но его сейчас же забывали.

А офицер сосредоточенно и пытливо смотрел вокруг, и в душе его было смутно и тяжело.

Он только что совершил далекий и трудный путь среди опустошенной России.

Он видел одну пустыню вместо цветущего края, видел тысячи неубранных трупов, валяющихся по дороге и заражающих воздух своим гниением. Видел сожженные деревни, крестьян, превратившихся в бродяг, живущих целыми семьями в лесах, под открытым небом, видел развалины барских усадеб, и смерть, и голод... Только что прошел страшный двенадцатый год, оставя за собой следы ужаса и гибели, и вот здесь, в столице, все по-прежнему, как будто ничего не случилось, как будто русская истощенная армия не преследует еще врага и не предстоит новой, быть может, ужаснейшей войны... И новые жертвы, и новые опасности для родины...

-- Скорей! -- нервно сказал он ямщику, плотнее закутываясь в свой плащ.

На его молодом лице с резкими чертами появилось выражение страдания, и он ниже опустил голову.

Ямщик хлестнул убогих лошадей. Они прибавили ходу. Бричка миновала Невский проспект и свернула на набережную.

-- Стой, здесь, -- проговорил офицер, указывая на темный особняк.

У дверей подъезда стоял швейцар в ливрее, с огромной булавой в руках. Он с некоторым пренебрежением смотрел на молодого офицера, приехавшего в таком убогом экипаже.

Офицер расплатился с ямщиком, должно быть, очень щедро, судя по поклонам и благодарностям ямщика, и направился к подъезду.

Решительное выражение его лица, уверенная походка и властный взгляд заставили швейцара почтительно распахнуть тяжелую, мореного дуба дверь и снять шапку с галунами.

-- Князь у себя? -- резко спросил молодой офицер, сбрасывая на руки швейцара свой плащ.

-- Так точно, -- ответил швейцар, -- их сиятельство у себя.